

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МАЛАЕВЫ против РОССИИ»

(Жалоба № 35635/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

18 июля 2017 года

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто
редакционной правке.*

По делу «Малаевы против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседавая Комитетом в составе:

Луис Лопес Герра, Председатель,

Дмитрий Дедов,

Йолин Схекинг, судьи,

а также Фатош Араци, заместитель Секретаря Секции,

проведя закрытое 27 июня 2017 года совещание,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 35635/14) против Российской Федерации, поданной в Суд 8 мая 2014 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации – Малаевым Михаилом Павловичем и Малаевой Софией Михайловной (далее – «заявители»).

2. Интересы заявителей представляла Г. Бойченко-Картье, адвокат, практикующая в Украине. Интересы властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник М. Гальперин.

3. 28 августа 2015 года жалобы на нарушение статьи 8 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции были коммуницированы Властям, а оставшаяся часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

4. Заявители родились в 1981 и 2006 годах соответственно и проживают в г. Москве. Первый заявитель приходится второму заявителю отцом.

А. Сделки с квартирой, впоследствии унаследованной первым заявителем

5. До приватизации квартира, расположенная по адресу: Москва, 12-я Новокузнецкая улица, дом 4, корпус 1, кв. 25, находилась в собственности города Москвы. Супруги В.Ф. и Г.Ф. проживали в ней по договору социального найма жилого помещения, заключенного с городом.

6. В неустановленный день В.Ф. обратился с заявлением о приватизации квартиры. Его жена решила не принимать участия в сделке. 22 августа 2002 года В.Ф. и Департамент жилищного фонда подписали договор о приватизации жилого помещения.

7. 14 мая 2004 года В.Ф. продал квартиру Л.М., матери первого заявителя. В соответствии с текстом договора продажи, Л.М. выплатила В.Ф. за квартиру 300 000 рублей. По утверждению заявителей, в действительности Л.М. выплатила 2 500 000 рублей.

8. 28 сентября 2006 года Л.М. умерла. После ее смерти квартира перешла по наследству к первому заявителю. Его семья, включая второго заявителя, переехала в квартиру и проживала там. В соответствии с официальными документами, В.Ф. не выехал из квартиры и также продолжал проживать в ней. По утверждению заявителей, В.Ф. переехал в пригород, но они разрешили ему оставить регистрацию в квартире в качестве адреса места проживания, чтобы он мог продолжать получать социальные льготы в г. Москве.

9. 10 июля 2007 года первый заявитель передал права собственности на половину квартиры своей сестре по договору дарения.

В. Отмена государственной регистрации права собственности первого заявителя на квартиру

10. 22 апреля 2011 года В.Ф. подал жалобу в правоохранительные органы. Он заявлял, что он не продавал квартиру своей родственнице Л.М. и что он не получал от нее никаких денег. Он продолжал жить в квартире и позволил первому заявителю переехать в квартиру временно, в связи с проблемами последнего в отношениях с женой. В мае 2010 года В.Ф. и первый заявитель подрались, и В.Ф. попросил первого заявителя съехать. Первый заявитель отказался, заявив, что он являлся собственником квартиры. Он выгнал В.Ф. из квартиры. После этого В.Ф. мог получить доступ в квартиру только с помощью сотрудников полиции или соседей.

11. 5 июля 2011 года прокурор, действуя в интересах В.Ф., подал гражданский иск об отмене государственной регистрации права собственности первого заявителя на квартиру и о выселении его семьи.

12. 15 ноября 2012 года Кузьминский районный суд города Москвы удовлетворил данные требования в полном объеме. Суд установил, что во время приватизации и продажи квартиры В.Ф. был не способен осознавать значимость своих действий и контролировать их. Он ссылаясь на выводы судебно-медицинского эксперта о том, что «В.Ф. страдал синдромом органического изменения личности и сосудистой деменцией, которые развились задолго до подачи им заявления о приватизации квартиры 22 августа 2002 года и продажи квартиры 14 мая 2004 года. [Его состояние] мешало ему осознавать значимость своих действий и контролировать их». Суд признал недействительными все сделки с квартирой и передал ее в собственность города Москвы. Наконец, суд распорядился о выселении заявителей.

13. 29 апреля 2013 года районный суд вынес дополнительное решение об отказе в применении сроков исковой давности к требованиям прокуратуры, заявляемым в интересах В.Ф.

14. 12 ноября 2013 года Московский городской суд оставил решения от 15 ноября 2012 года и 29 апреля 2013 года без изменений в апелляционном порядке.

15. 13 марта 2014 года городской суд отклонил кассационную жалобу заявителей.

С. Производство по выселению

16. 27 ноября 2013 года районный суд выдал исполнительный лист на решение от 15 ноября 2012 года, указав В.Ф. в качестве выгодоприобретателя.

17. 3 декабря 2013 года судебный пристав начал исполнительное производство.

18. 30 января 2014 года заявители были выселены. В соответствии с докладом о выселении, подготовленным судебным приставом, В.Ф. получил ключи от квартиры и мог проживать в ней.

19. 16 апреля 2014 года Департамент жилищного фонда подписал с В.Ф. договор социального найма, и 20 ноября 2014 года право собственности на квартиру было передано В.Ф. в порядке приватизации.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

20. Заявители жаловались на то, что были лишены своего имущества в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

21. Власти оспорили этот довод. Хотя они признали, что признание регистрации прав собственности первого заявителя на его долю в квартире недействительной явилось вмешательством в имущественные права заявителей, однако, по их мнению, такое вмешательство было осуществлено в строгом соответствии с требованиями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. С точки зрения Властей, признание недействительными всех сделок с квартирой и ее передача в собственность города Москвы было необходимым для защиты интересов В.Ф. в целях восстановления его прав.

22. Заявители настаивали на своей жалобе. Они утверждали, что национальные суды при разрешении жилищного спора неверно применили закон. В частности, суды не приняли во внимание тот факт, что заявители добросовестно приобрели права на квартиру, и что квартира не должна была быть отчуждена у них. Наконец, они утверждали, что они не получили компенсации за утрату собственности.

A. Приемлемость жалобы

23. Суд отмечает, что первый заявитель был законным собственником доли в квартире. Соответственно, Суд убежден, что квартира являлась его «имуществом» в смысле статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и указанное положение является применимым.

24. Однако Суд не может дать аналогичное заключение в отношении второго заявителя. Она не являлась собственником квартиры и проживала в ней только как член семьи первого заявителя. Также в своих замечаниях она не приводила ссылок на какие-либо

положения национального законодательства или фактические обстоятельства, на основании которых Европейский Суд мог бы прийти к выводу, что ее право на проживание подпадает под определение «имущество» в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Следовательно, ее жалоба несовместима *ratione materiae* с положениями Конвенции по смыслу пункта 3 статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 (ср. постановление Европейского Суда от 17 ноября 2016 года по делу «Пчелинцева и другие против России» (*Pchelintseva and Others v. Russia*), жалобы №№ 47724/07 и 4 другие жалобы, пункты 77-79).

25. С учетом вышеизложенного Суд приходит к выводу, что жалоба, поданная первым заявителем, не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является необоснованной по каким-либо иным основаниям. Следовательно, ее необходимо признать приемлемой.

В. Существо жалобы

26. Суд отмечает, прежде всего, что гражданский процесс, результатом которого стала утрата первым заявителем права собственности на квартиру, был инициирован частным лицом В.Ф., которое добивалось восстановления своих прав на проживание в квартире, которая изначально была собственностью города Москвы. Город Москва, будучи приглашенным судом к участию в производстве в качестве третьей стороны, не подавал отдельного иска в отношении квартиры и принял решение не принимать участие в производстве. Суд также считает, что даже в том случае, если решения национальных судов признали право собственности города на квартиру, это было сделано с единственной целью возврата квартиры В.Ф. Он был выгодоприобретателем по исполнительному производству и переехал в квартиру сразу после выселения заявителей.

27. С учетом изложенного, Суд приходит к выводу, что настоящее дело касается, по существу, спора между сторонами - частными лицами. Он повторяет в этом отношении, что такие споры сами по себе не предполагают ответственности Государства в соответствии со статьей 1 Протокола №1 к Конвенции (см., среди других примеров, постановление Европейского Суда от 12 декабря 2013 года по делу «Загребский банк д.д. против Хорватии» (*Zagrebačka banka d.d. v. Croatia*), жалоба №39544/05, пункт 250).

28. Соответственно, задача Суда в настоящем деле состоит в оценке, соответствовало ли разрешение национальными судами спора между В.Ф. и первым заявителем национальному законодательству, а также в подтверждении того, что их соответствующие решения не

были произвольными или явно необоснованными (ср. постановление Европейского Суда от 30 августа 2016 года по делу «Миндек против Хорватии» (*Mindek v. Croatia*), жалоба №6169/13, пункт 78).

29. Что касается законности отзыва права собственности первого заявителя на квартиру, и с учетом того, что юрисдикция Суда ограничена в части удостоверения в верном толковании и применении национального права, а также того, что замена собой национальных судов не входит в его функции (там же), Суд не усматривает в настоящем деле фактов, позволяющих ему прийти к выводу о том, что российские органы власти применили правовые положения явно ошибочным образом или так, чтобы прийти к произвольным заключениям. Что касается довода первого заявителя о том, что национальные суды не признали, что он приобрел квартиру добросовестно, Суд отмечает, что он не привел его в национальном производстве. Эти обстоятельства впервые были указаны в ходе разбирательства дела в Суде. Кроме того, как следует из заявлений сторон, он не добивался возврата денег, выплаченных В.Ф. за квартиру его матерью.

30. В свете вышеизложенного Суд приходит к выводу, что решения национальных судов по настоящему делу не являлись вмешательством в право первого заявителя на уважение собственности. Следовательно, нарушения статьи 1 Протокола №1 допущено не было.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

31. Заявители жаловались на то, что их выселение из квартиры является нарушением их права на уважение жилища. Они ссылались на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

32. Власти согласились с тем, что решение национальных судов о выселении заявителей представляло собой вмешательство в их право на уважение «жилища», предусмотренное статьей 8 Конвенции. Власти считали, что такое вмешательство было законным, преследовало законную цель защиты интересов В.Ф. и было соразмерно этой цели.

33. Заявители свои жалобы поддержали.

А. Приемлемость жалобы

34. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является необоснованной по каким-либо иным основаниям. Следовательно, ее необходимо признать приемлемой.

В. Существо жалобы

35. Суд отмечает, что между сторонами не было разногласия относительно того, что квартира, о которой идет речь, была «жилищем» заявителей по смыслу статьи 8 Конвенции и что их выселение из этой квартиры представляло собой вмешательство в их право на уважение жилища.

36. Кроме того, Суд отмечает, что законность выселения не оспаривается. Оно явилось автоматическим следствием прекращения права собственности первого заявителя на квартиру.

37. Что касается наличия законной цели оспариваемой меры, Суд учитывает довод Властей и соглашается, что выселение заявителей отвечало интересам В.Ф., уязвимого лица, которое изначально проживало в квартире по договору социального найма.

38. Поэтому Суд переходит к вопросу о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе». Он повторяет в этом отношении, что свобода усмотрения в жилищных вопросах является более узкой, когда дело касается прав, гарантированных статьей 8, по сравнению с правами, гарантированными статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, принимая во внимание первоочередную важность статьи 8 Конвенции для самосознания индивида, его самоопределения, физической и моральной неприкосновенности, поддержания отношений с другими людьми и для определенного и безопасного места в обществе (см. постановление Европейского Суда от 6 декабря 2011 года по делу «Гладышева против России» (*Gladysheva v. Russia*), жалоба №7097/10, пункт 93, с последующими ссылками).

39. Суд отмечает, что распоряжение о выселении заявителей было вынесено национальными судами «автоматически» после того, как они прекратили право собственности первого заявителя на квартиру. Они не проводили дальнейшего анализа по вопросу пропорциональности меры, подлежащей применению в отношении заявителей. Однако гарантии Конвенции требуют, чтобы любое вмешательство в право заявителя на уважение его жилища не только происходило на основании закона, но и было соразмерно, согласно пункту 2 статьи 8 Конвенции, преследуемой законной цели с учетом конкретных

обстоятельств дела. Предположительно, национальные суды приняли во внимание интересы В.Ф., который стремился восстановить свои права в отношении квартиры. Однако они не рассматривали такие интересы в отношении права заявителей на уважение жилища. Как только суды признали недействительным право первого заявителя на квартиру, они придали этой стороне вопроса исключительное значение, не приняв во внимание потребность заявителей в жилье. Национальные судебные власти, таким образом, не предоставили заявителям надлежащего пересмотра пропорциональности их выселения.

40. Вышеизложенного достаточно для того, чтобы Суд пришел к заключению, что обжалуемое вмешательство не было необходимым в демократическом обществе. Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

41. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

42. Заявители требовали 12 000 000 российских рублей и 80 000 евро в качестве компенсации имущественного ущерба и морального вреда, соответственно.

43. Власти сочли данные требования необоснованными, чрезмерными и неразумными.

44. Суд не нашел никакой причинно-следственной связи между выявленным нарушением и заявленным имущественным ущербом; таким образом, Суд отклоняет требование. Однако он присуждает заявителям 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

B. Судебные расходы и издержки

45. Заявители также требовали выплаты 6 000 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных им во время национальных судебных разбирательств, и 2 700 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных ими во время рассмотрения жалобы в Европейском Суде. Они просили перечислить последнюю сумму непосредственно на счет их представителя.

46. Власти Российской Федерации утверждали, что заявители не смогли обосновать свои издержки в целом. Кроме того, они считали их чрезмерными и понесенными без необходимости. По их мнению, по данному пункту заявителям не должна быть присуждена компенсация.

47. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы, а также прецедентную практику, Суд считает разумным присудить заявителям сумму в размере 1 000 евро на покрытие расходов и издержек по всем пунктам. 500 евро из этой суммы подлежит перечислению непосредственно заявителям, а 500 евро подлежит перечислению на банковский счет Г. Бойченко-Картье.

С. Проценты за просрочку платежа

48. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявил* жалобу по статье 1 Протокола №1 к Конвенции, поданную М. Малаевым, приемлемой, жалобу по статье 8 Конвенции, поданную М. Малаевым и С. Малаевой, приемлемой, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *постановил*, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
3. *постановил*, что было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
4. *постановил*,
 - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить заявителям указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 1 000 евро (одну тысячу евро), включая любой налог, который может взиматься с заявителей, в счет компенсации судебных расходов и издержек; 500 евро из этой суммы подлежит перечислению непосредственно заявителю, а 500

евро подлежит перечислению на банковский счет Г. Бойченко-Картье.

(b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода начисления пени плюс три процентных пункта.

5. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 18 июля 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араци
Заместитель Секретаря

Луис Лопес Герра
Председатель